

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИИ (РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ)

.....

С. Г. Жихарев¹

Ключевые слова: миграция, урегулирование конфликта, толерантность, национализм. **Keywords:** migration, conflict resolution, tolerance, nationalism.

В современном мире миграция является одной из проблемных зон как большой, так и региональной политики. Вопросы и трудности, вызванные с этим во много неконтролируемым процессом, носят как политический, так и социальный и культурный характер. Это, по сути, не одна, а целая система проблем, которая требует такого же системного подхода. В условиях мирового финансового кризиса эта проблема может действительно обостриться до уровня социально-политического конфликта, как внутри России, так и за ее пределами. При этом следует отметить, что границы конфликта могут выходить за рамки официальных государственных границ или границ этнического проживания населения.

Академик РАН А. В. Дмитриев определяет *миграцию*, как такой тип перемещения людей, который завершается сменой постоянного места жительства [4, с. 20]. Для описания перемещения населения наряду с термином «миграция» используются такие, как «*эмиграция*» — выезд жителей из одной страны в другую на постоянное место жительства в надежде сменить гражданство и «*иммиграция*» — въезд в страну иностранцев с целью постоянного (либо длительного) в ней проживания и чаще всего получения гражданства страны-реципиента. Выезд из страны (эмиграция), как правило, не является конфликтным явлением, но иммиграция, и это объясняется различными причинами, как бы сталкивает интересы местных жителей (резидентов) и мигрантов» [4, с. 21]. А. В. Дмитриев утверждает, что иммиграция более конфликтногенна, чем эмиграция. Именно поэтому она требует и большего внимания.

Конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействий двух основных участников: постоянных жителей, с одной стороны, и мигрантов —

¹ Жихарев Сергей Геннадьевич — соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: delete@inbox.ru

с другой. Зачастую он дополняется вмешательством властей, т. е. появлением третьего участника конфликта. Но в случае, когда мигранты идентифицируют себя с конкретным этносом, то в этот процесс могут вмешаться и диаспоры (четвертая сторона). Основной признак такого конфликта — восприятие участниками поведения друг друга как ущемление своих территориальных, материальных, политических и духовных устремлений. Соревнование групп ведется за укрепление своего статуса, сохранение своих ценностей и идентичности. Конфликтное напряжение вызывается тем, что каждая из сторон желает достичь успеха и тем уязвить противника [4, с. 22-23].

Чаще всего конфликт определяется как столкновение противоположных интересов и взглядов, вызванных существованием глубокой социально-политической и культурно-психологической дистанции. Эту дистанцию определяют расходящиеся цели и интересы, ценности и намерения, как отдельных лиц, так и целых групп. В такой ситуации происходит нарастание, прежде всего, психологической напряженности «между сторонами взаимоотношения, углубление противоречий, снижение критичности и осознанности происходящего, проявление бессознательных реакций и действий субъектов... Степень конфликтного дистанцирования может быть различной и зависеть как от социальных, так и от психологических факторов» [6, с. 178]. Именно углубление противоречий характеризуют существующую между участниками конфликта дистанцию. Возникающие в результате этого различия не примиряют, а напротив, углубляют конфликтность². Причем наряду с этнополитическими и социально-экономическими сторонами этого конфликта также следует еще учитывать и психологию конфликтных ситуаций. В этих условиях нам следует более детально остановиться на общих принципах политической конфликтологии и выяснить некоторые ее принципиальные положения.

Временем возникновения современной политической конфликтологии следует считать середину XX столетия, когда появились первые специальные научные исследования на эту тему. В 1965 г. в ФРГ вышла книга известного германского политолога и политического деятеля Р. Дарендорфа «Классовая структура и классовый конфликт». Именно у Р. Дарендорфа конфликт впервые становится центральной категорией его социологии и политической науки. Более того, свою социологическую концепцию он так и назвал — «теория конфликта».

Согласно данной теории, конфликты неизбежны и даже необходимы, поскольку само общество есть система взаимодействий между конфликтующи-

² Академик А.В. Дмитриев определяет «дистанцию» как «восприятие различия статуса участниками взаимодействия. В практической деятельности поддерживается разными символами. В широком смысле мера сходства или различия в социальном статусе. С помощью изменения социальной дистанции определяется статус, потенциал как этнических, так и миграционных групп» [4, с. 408].

ми социальными группами. Не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Его концепция «конфликтной модели общества» строилась на «антиутопическом» образе мира — мира власти, конфликта и динамики. По мнению Р. Дорендорфа «...конфликт является отцом всех вещей, т. е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [5, с. 147]. И далее Р. Дарендроф уточняет: «...Конфликт — это нечто большее, чем просто зло. Конфликт означает свободу, поскольку является единственным выражением многообразия и несовместимости человеческих интересов и желаний...» [10, р. 61].

Для него вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. В человеческих обществах не существует постоянства, поскольку нет в них ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами.

В отличие от марксизма Р. Дарендорф считал бесполезным ликвидировать причины социальных антагонизмов, чтобы покончить с конфликтами: они есть и будут. В любой системе есть неравенство социальных позиций, различие интересов, возможностей доступа к власти. Необходимо научиться «изменять течение конфликта», тогда перед обществом откроется перспектива не революций и изнурительных гражданских войн, а эволюции — структурные изменения общества могут происходить в рамках существующего строя [8, с.32].

Р. Дарендорф подчеркивал, что точнее говорить об «урегулировании», а не о «разрешении» конфликтов, поскольку социальные конфликты обычно лишь ограничиваются, локализируются, преобразуются в другие, более приемлемые формы, тогда как термин «разрешение» ориентирует на их полную ликвидацию, что само по себе является утопией [10, р. 224].

Обратной стороной конфликтов является концепция толерантности. Миграция всегда балансирует на грани конфликта и толерантности. При этом в обыденном представлении толерантность понимается просто как некая терпимость к «чужому». Но границы этой терпимости весьма условны и ограничены лишь нормами той политической культуры, которая сложилась на данный момент в конкретно взятой стране.

Толерантность означает не столько терпение, сколько миролюбие. Залогом миролюбия является диалог, возможность понимать другого и в то же самое время быть понятным для других. В условиях пересечения социально-экономических и культурно-политических проблем, миграционные потоки могут, как усиливать, так отчасти и разрешать конфликты. Все зависит от того насколько коренное население и пришлое могут вести диалог вошедших в соприкосновение дух своих культур?

Обычно в подобных ситуациях возникают конфликты. Но они не могут длиться вечно. Конфликт имеет свою динамику развития — становления, апогея и разрешения. Поэтому конфликт — это всегда динамика, которую можно как наращивать, так и уменьшать, в зависимости от существующих целей и задачи политики, экономики или культуры. Управляемые конфликты как раз и рассчитаны на то, чтобы помогать отдельным политикам решать те или иные задачи.

В настоящее время нет возможности говорить о том, что в отношении мигрантов даже в таких продвинутой области соблюдения прав человека регионах, как Западная Европа, существует толерантное отношение. Несмотря на выдающиеся достижения в этих странах демократии и неолиберализма, в восприятии населением «чужих» конфликтность преобладает над толерантностью. Политкорректность оказывается лишь на словах правящих элитных сообществ, но не в практике гражданской повседневности.

Наиболее остро эта проблема встала во Франции и Великобритании. На Британских островах «наибольшее недовольство выражают ирландцы, несмотря на то, что когда-то они и сами были не прочь поехать в гости к своей самой ближайшей соседке Англии и подзаработать денег. Как ни странно, но именно в Белфасте четыре года назад (2004) произошло несколько нападений на мигрантов из Азии и Африки. С тех пор в СМИ регулярно поступают новые сообщения об убийствах или нападениях на людей небританского происхождения» [7, с. 6].

Глава МВД Великобритании Т. Макнулти в этой связи заявлял: «Статистика свидетельствует, что работники из новых принятых в блок стран по-прежнему прибывают на работу в Англию. Они занимают незанятые рабочие места, помогая оказывать услуги обществу по всей стране, и способствуют развитию нашей экономики и общества» [7, с. 6]. Между тем, как отмечал министр, в конце 2005 г. количество заявок на работу стало сокращаться. В мае 2007 г. в Великобритании были ужесточены правила приема на работу — на работу могут приглашать только в том случае, если существует острая нехватка кадров в данной сфере. «Масла в огонь» определенно подливает неприязнь «коренного населения». Толерантность здесь существует только в качестве желательного, но не действительного условия взаимоотношения «пришлого» и «коренного» населения. Не смотря на всю культурность и воспитанность британцев, справиться им с «геном» агрессии против «чужих» бывает крайне сложно.

Политической наукой мигрантофобия определяется как «одна из разновидностей ксенофобии, характеризующаяся неприятием и ненавистью к мигрантам. Процесс острого проявления социальных противоречий, затрагивает, как правило, все стороны общественной жизни» [4, с. 410]. Она исключает наличие партнерства и переговоров в случае возникновения конфликтных си-

туаций. Само её наличие свидетельствует о высокой степени угрозы и перерастания конфликта в открытую и активную фазу своего развития.

В самой России конфликты между коренным и приезжим населением могут происходить как на бытовом (например, незнание местных обычаев и языка), так и на социально-политическом уровне. Российские СМИ постоянно отмечают, что коренное общество (резиденты) всегда настороженно относилось и продолжает относиться к пришлому населению. При этом в формировании напряженного взаимоотношения нередко принимают участия и сами власти. Еще менее не «способствуют снятию такого напряжения публичные акции прокремлевских молодежных движений под лозунгами «Каждый второй — домой!», «Наши деньги — нашим людям!» и «Нелегал — вор!». При том, что эти лозунги сами по себе не призывают к насилию в отношении мигрантов, у граждан складывается четкое ощущение того, что власть не только допускает, но и приветствует негативное отношение к инородцам. Понятие «мигрант» и «нелегал» в общественном сознании стали почти синонимами, поэтому не стоит удивляться 300-процентному росту преступлений на национальной почве. Экономические трудности лишь обостряют и без того непростые межнациональные отношения» [9, с. 8].

Сами россияне оказываются в той же самой ситуации, когда становятся мигрантами в страны Евросоюза или США. Ситуация напоминает здесь «зеркальное отражение» — реакция москвичей на приезжих из других регионов России примерно такая же, как и реакция жителей Британских островов на работающих у них иностранцев. «Согласно данным МВД Великобритании, после расширения Евросоюза в мае 2004 г. на работу в страну прибыло около 345,41 тыс. восточноевропейцев. Теперь и шагу нельзя ступить, не услышав напевной русской речи или украинской мовы. В какой магазин ни зайди, приобрести товар вам предлагают русоволосые девушки с подозрительным славянским акцентом... Гуляя по Оксфорд-стрит, иногда забываешь, что находишься в Лондоне. Вообще у британцев особенное отношение к иммигрантам из России и стран СНГ...» [7, с. 6]³.

По наблюдениям русских, живущих в Великобритании, они иногда сталкиваются с проявлением в отношении себя английского национализма. Подчеркнем — именно английского, «потому что шотландцам и валлийцам от англичан тоже достается» [2, с. 15]. В чем это проявляется? На бытовом и профессиональном уровне это выражается в простом умалчивании или «затирании» достоинства и творческих достижений мигрантов и приписывании их успешных результатов деятельности представителей своей национальности. Иными словами — перед нами «бытовой плагиат», стремление во что бы

³ Тот же источник отмечает, что «русские мигранты не единственные, кто обращает на себя внимание на Британских островах. Бесспорными лидерами являются польские граждане (59% от общего числа приезжих). На втором месте идут литовцы (13%), на третьем словаки (11%) [7, с. 6].

то ни стало показать, что самое лучшее является результатом деятельности исключительно одних только англичан. А о самих русских англичане говорят либо плохо, либо ничего [2].

Одним из существенных факторов мешающих развитию толерантного отношения к миграции является коррупция. Именно она во многом провоцирует и поддерживает конфликтную ситуацию между коренным и пришлым населением. Коррупция одинаково вредна как для гражданского общества, так и для мигрантов, которые порой оказываются вне его социокультурного и политико-правового пространства.

Но есть одна сфера деятельности, где коррупция в равной мере бьет по интересам граждан и мигрантов. Это — строительство жилья. «С недвижимостью в России одна беда. По сути, никакого рынка жилья в России не было и нет. Существой он, давно бы расставил все по местам. Цены на квартиры в нашей стране — не рыночная величина, а результат коррупционного сговора чиновников и приближенных к ним строительных компаний. Поэтому-то власти Москвы, Питера и ряда других городов совершают, казалось бы, абсурдно бредовые поступки. Например, под крики о том, что надо спасать несчастных, разоряющихся застройщиков (на деле — миллиардеров), скупают на бюджетные средства миллионы квадратных метров по безумно завышенным ценам. Словно специально стараются взять подороже, пока пузырь не лопнул!... На местные власти, которые по уши погрязли в квартирной коррупции, — надежд никаких. Они скорее вообще прекратят застройку, нежели допустят, чтобы жилье стало доступным» [3, с. 6]. От этой квартирной коррупции страдают как сами граждане России (эксперты шутят, что ипотека под 25% годовых равнозначна смертной казни, для тех, кто ее взял!), так и трудовые мигранты, занятые на этих стройках. Кризис в строительстве в первую очередь сказывается именно на них, поскольку именно они оказываются в числе первых потерявших работу.

Еще одной негативной тенденцией является криминализация взаимоотношений резидентов и мигрантов. Случаи насилия над мигрантами и самих мигрантов случаются достаточно часто там, где существует значительный культурный и социально-экономический разрыв между этими группами населения. В странах ЕС эта проблема стоит не менее остро, чем в других соседних с ними регионах. И Россия здесь не является исключением.

Москва является своего рода лакмусовой бумажкой всей России. Убийства и нападения на почве национальной неприязни становятся главной проблемой для столичной милиции. Столичные СМИ отмечают, что «напряжение в обществе нарастает пропорционально числу мигрантов. При этом милицейские операции и молодежные политические акции против нелегалов едва ли можно считать действенным средством борьбы с ксенофобией. «Статистика преступлений на национальной почве в 2008 г. побила все рекорды. Москвичи совер-

шили более 90 нападений на приезжих. По сравнению с 2007 г. рост таких преступлений составил 300%» [9, с. 8].

Выше мы уже отмечали, что конфликт допустим в плане социально-культурного и политико-экономического развития и служит своего рода механизмом развития (согласно Р. Дарендорфу). Но совершенно недопустимо перерастание конфликта в открытую насильственную фазу. Одним из таких «подручных средств», способствующих устранению такого рода конфликтов, является продвижение идеи толерантности (диалога понимания) и повышения уровня доверия.

Аналитики отмечают, что в условиях мирового финансового кризиса (2008 г.) возрастает угроза конфликта среди той трудовой миграции, которая будут вынуждена вернуться из России в свои страны. «Напряженная социальная обстановка и отсутствие возможностей для легального заработка приведет к криминализации наиболее предприимчивой и физически здоровой части бывших мигрантов, росту уголовных преступлений, торговле и транзиту наркотиков, оружия, контрабанды» [1, с. 6].

В качестве традиционного средства развития толерантного отношения между резидентами и мигрантами является культурный диалог. Культурный диалог это возможность на уровне своих национальных ценностей объяснить «другим» что вы собою представляете и одновременно понять, что собою являются ваши собеседники? Культурный диалог направлен на сокращение дистанции существующий между лицами или группами его участников. В качестве не совсем традиционного средства такого культурного диалога следует отметить юмор.

Рассмотренные нами примеры конфликтов между резидентами и мигрантами, характеризуют противоречивую природу миграции вообще и современного ее состояния в частности. С этой проблемой сталкиваются все государства мира. Поэтому мы вправе говорить о глобализации этого процесса, и о том, что его можно решить только сообща. Отдельная страна, находящаяся один на один с этой проблемой (особенно с проблемой нелегальной, неконтролируемой миграции и неконтролируемого межэтнического конфликта возникшего на его основе), может соблазниться решить эту проблему исключительно силовыми средствами, что означает непременно нарушение прав человека (репрессии, этнические чистки и т. д., как минимум, ведущие к гуманитарной катастрофе, а как максимум, — провоцирующие кровопролитные социальные волнения и гражданские войны). Для избежание подобных катаклизмов, общество и государство должны научиться своевременно предупреждать конфликты и успешно их разрешать. Те общества и государства, которые не умеют это эффективно делать, обрекают своих граждан на перманентный характер политического конфликта.

Выше мы уже отмечали, что рассматриваемый нами конфликт не имеет четких государственных границ. В условиях глобализации социально-политических процессов и при нарастании мирового финансового кризиса возможно «экспорт конфликта», его разрастания, особенно когда он приобретает неуправляемый характер. Для предотвращения этого «экспорта» власти и обществу надлежит заранее продумать ряд мер по нивелировке деструктивных отношений и выработки четких рекомендаций для всех участников этого конфликта.

Библиографический список

1. 1. *Васильев И.* Миграционный потоп // Российские вести. 2009. № 8 (1950).
2. 2. *Воронцов А.* «Англичане о русских говорят либо плохо, либо ничего» // Известия. 2009. № 20 (27791).
3. 3. *Гурдин К.* Пятерка по экономике // Аргументы недели. 2008. № 52 (138).
4. 4. *Дмитриев А. В.* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2007.
5. 5. *Дорендорф Р.* Элементы теории и социального конфликта // Социс, 1994. № 5.
6. 6. *Карабущенко Н. Б.* Психологическая дистанция (в дихотомии «элита — масса»). М.: Прометей, МПГУ, 2002.
7. 7. *Сергеенко Е.* Понаехали тут... // Российские вести. 2008. № 45-46 (1941-1942).
8. 8. *Тагиров Э. Р., Тронова Л. С.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань: Изд-во КФЭИ. 1996.
9. 9. *Уколов Р.* Кризисный катализатор ксенофобии // Независимая газета. 2009. № 015 (4647).
10. 10. *Darendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford Univ. Press, 1965.